

Научная статья

УДК 244

https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_33

Ю. В. Балакшина

«Литература как пособие при преподавании Закона Божия в гимназиях»: ненаписанная статья священника Константина Аггеева

Юлия Валентиновна Балакшина ^{a, b}

^a Свято-Филаретовский институт, Москва, Россия, jbalaksh9@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

^b Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается путь формирования литературных представлений видного деятеля движения церковного возрождения начала XX в., апологета и участника церковно-культурного диалога священника Константина Аггеева. Будучи выходцем из неграмотной крестьянской семьи, он проходит сложный путь формирования литературного вкуса и становится самостоятельным думающим читателем, для которого русская классика оказывается одним из способов формирования личностной идентичности. Опираясь на свой читательский опыт, о. Константин предлагает использовать образы русской литературы в преподавании Закона Божьего в гимназиях и духовных училищах. Идеи молодого законоучителя с трудом пробивают себе дорогу, но в процессе обоснования этих идей К. М. Аггеев формулирует разного рода аргументы в защиту обращения к литературному наследию — эстетического, апологетического и нравственного характера. В статье восстановлен читательский опыт Аггеева, описано его отношение к таким русским писателям, как Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др. В поле исследования попадают также литературные критики и журналы, которые могли повлиять на представления Аггеева о природе

© Балакшина Ю. В., 2024

литературного творчества. Статья представляет собой реконструкцию неосуществленного замысла статьи К. М. Аггеева «Литература как пособие при преподавании Закона Божия в гимназиях» (1897).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература, классика, чтение, история русской церкви, преподавание Закона Божьего, катехизация

для цитирования: Балакшина Ю. В. «Литература как пособие при преподавании Закона Божия в гимназиях»: ненаписанная статья священника Константина Аггеева // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1 (№ 49). С. 33–59. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_33.

Yu. V. Balakshina

“Literature as a guide for teaching the Law of God in gymnasiums”: an unwritten article by Priest Konstantin Aggeev

Yulia V. Balakshina^{a, b}

^a St. Philaret's Institute, Moscow, Russia, jbalaksh9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4187-1633>

^b Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

ABSTRACT: The article considers the way of shaping literary perceptions of priest Konstantin Aggeev, a prominent figure of the church revival movement of the early twentieth century, apologist and participant of church-cultural dialogue. Coming from an illiterate peasant environment, he undergoes a challenging path of shaping his literary taste and becomes an independent thinking reader for whom Russian classics are one of the ways of forming his personal identity. Based on his reading experience, Fr. Konstantin suggests using images from Russian literature in teaching the Law of God in gymnasiums and theological schools. The ideas of the young teacher of law struggle to make their way, but in the process of substantiating these ideas, K. M. Aggeev formulates various arguments in support of appealing to the literary heritage — those of aesthetic, apologetic and moral nature. The article restores Aggeev's reading experience, describes his attitude to such Russian writers as F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, etc. The field of research also includes literary critics and journals that may have influenced Aggeev's ideas about the nature of literary creativity. The article is a reconstruction of the unfulfilled idea of the article by K. M. Aggeev “Literature as a guide for teaching the Law of God in gymnasiums” (1897).

KEYWORDS: Russian literature, classics, reading, history of the Russian church,
teaching the Law of God, catechesis

FOR CITATION: Balakshina Yu. V. (2024). "Literature as a guide for teaching the Law of God in gymnasiums": an unwritten article by Priest Konstantin Aggeev". *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, v. 16, iss. 1, n. 49, pp. 33–59. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_49_33.

Введение

27 ноября 1897 г. свящ. Константин Аггеев, служивший в это время в небольшом городке Царства Польского¹, в письме своему однокурснику по Тульской духовной семинарии и личному другу Петру Павловичу Кудрявцеву [*Пастушенко; Ткачук, Бурега*], только что назначенному исполняющим должность доцента Киевской духовной академии, сообщает о своем намерении написать статью «Литература как пособие при преподавании Закона Божия в гимназиях». Поводом для написания статьи становится происшествие, о котором Кудрявцев сообщает другу в письме осенью того же года. Переехав с семьей в Киев, к новому месту службы, Кудрявцев узнает, что в Подольское женское училище духовного ведомства, где он служил учителем словесности, истории русской литературы и педагогики [*Ткачук, Бурега, 176*], приезжал член-ревизор Учебного комитета при Святейшем синоде П. И. Нечаев. М. П. Соколов из Каменец-Подольска сообщал Кудрявцеву, что в процессе ревизии в библиотеке училища были обнаружены недозволенные книги. Наличие этих книг было поставлено в вину Кудрявцеву, что ревизор взял на особую заметку. Соколов писал:

Вам... кто-то свинью подложил в женском училище пред ревизором, заявив, что Тургенева и Шпильгагена выписывал по Вашему предложению и что Вы давали их на руки ученицам, хотя и записывали на свое имя. Ревизор назвал Вас либералом и записал фамилию, особенно когда узнал, что родом из Тульской губ<ернии> и учился в местной семинарии² (Не позднее 27.11.1897).

1. 1 сентября 1896 г. резолюцией преосвященной Флавиана, архиепископа Холмско-Варшавского, о. Константин был назначен на должности настоятеля мариампольской Александро-Невской церкви и сверхштатного законоучителя мариам-

польской мужской гимназии. Подробнее о биографии К. М. Аггеева см.: [*Балакшина, 130–142*].

2. Здесь и далее письма К. М. Аггеева и П. П. Кудрявцева, готовящиеся в настоящее время к публикации, цитируются по документам личного архива

Новость крайне раздражительно подействовала на Аггеева, обладавшего весьма пылким темпераментом. В письме к Кудрявцеву он возмущался: «Ну, оцени поступок Нечаева по отношению к тебе. „Записал фамилию“ — в рожу бы ему плюнуть». Однако помочь своему другу он мог лишь одним способом — вынеся на публичное обсуждение вопрос о возможности обращения к художественной литературе в духовных учебных заведениях, а также в гимназиях на уроках Закона Божьего.

Статья не была написана и так и осталась «мечтой» о. Константина, однако в письмах 1897 г. и последующих лет он немало размышлял о роли художественной литературы в пробуждении совести учеников, в передаче опыта веры. Цель настоящего исследования — на материале писем о. Константина Аггеева реконструировать замысел статьи «Литература как пособие при преподавании Закона Божия в гимназиях», а также выяснить, как оценивал Аггеев возможности литературы в преподавании духовно-нравственных дисциплин и катехизации молодежи.

Русская литература

Формирование интереса К. М. Аггеева к литературе происходило далеко не сразу. Согласно воспоминаниям Кудрявцева, в годы учебы в Тульской духовной семинарии интерес Аггеева к словесности не выходил за пределы семинарской программы:

Стихов Константин Маркович не любил, и, кроме тех, которые надо было заучивать на уроках словесности, ни одного на память не знал. И из беллетристики, опять-таки, кроме того, что требовалось программой словесности и некоторых произведений Достоевского, ничего не читал. <...> Впрочем, и другого рода книг, кроме учебников, К<онстантин> М<аркович> в семинарии не читал — и некогда было, да и к чему? [О друге. Л. 18].

Для сравнения отметим, что соученик и друг Аггеева и Кудрявцева по семинарии Василий Георгиевский, впоследствии митрополит Евлогий (1868–1948), председатель Православных русских церквей в Западной Европе, именно в семинарские годы пережил страстное увлечение литературой. В своих воспоминаниях, записанных Манухиной, он писал:

Ю. В. Балакшиной с указанием даты написания письма в круглых скобках после цитаты.

Во 2-м классе казенной наукой я по-прежнему мало занимался, зато страстно полюбил читать книжки. Записался в городскую библиотеку и читал все без разбора: Шпильгагена, Вальтер Скотта, Шекспира, Диккенса, Золя, русских классиков... Несмотря на это хаотическое чтение, у меня образовался инстинкт к хорошей книге — литературный вкус. Иностранную литературу я воспринимал плохо, а русскую литературу горячо полюбил. Помню, «Обрыв» Гончарова, «Дворянское гнездо» Тургенева, «Рыбаки» Григоровича произвели на меня прекрасное, сильное впечатление [*Евлогий (Георгиевский)*, 28].

Отсутствие интереса к культуре объяснялось, с одной стороны, крестьянским происхождением Аггеева: его отец «Марк Епимахович <был> малограмотен, а Татьяна Ивановна и вовсе неграмотна» [*Кисиль*]; с другой — тяжелым материальным положением семьи и необходимостью не только учиться, но и зарабатывать на кусок хлеба. У Марка Агеева³ обнаружилось психическое заболевание, из-за которого он не только вынужден был оставить должность управляющего у помещика Макарова, но и стал причиной пожара собственного дома. Оставшись без материальной помощи, Константин начал зарабатывать на жизнь уроками, поступив репетитором в семейство дьякона Лебедева. В эти годы чтение художественной литературы Аггеев воспринимает как недозволенную в его положении умственную роскошь, а, следовательно, отказ от нее считает своего рода аскетической практикой: «Тихомиров, Георгиевский, Воронцовский, Кудрявцев... ведь они идут в академию, — ну и читают. А мне в академию не идти, значит и баловать себя чтением нечего...» [*О друге. Л. 18*].

Постепенное развитие литературного вкуса у о. Константина Аггеева происходит гораздо позже, когда он попадает в Киевскую духовную академию, знакомится со своей будущей женой Марией Чернявской. Он устраивается репетитором к брату Марии, проводит лето в деревне Великое Староселье, где служит ее отец:

На самых же первых шагах жизнь моя пошла здесь точно по программе, не от меня, впрочем, установленной: довольно поздний утренний чай, после которого занятия с Ваней, далее — обед, за которым музыка, беседы, нередко чтение чего-либо из Тургенева, Лермонтова и др. (писатели в Старосельи оказались: наградные сестрам Вани...) (20.07.1891).

3. Фамилия Константина Аггеева стала писаться через двойную букву «г» в семинарии. См. об этом: [*О друге. Л. 12*].

Взрыв интереса к литературе приходится на годы службы о. Константина в Мариамполе, где у него появляется досуг и доступ к хорошим книгам. В 1897 г. он сообщает Кудрявцеву: «В 1895 г. в „Северном Вестнике“ одновременно печатались два романа „Quo vadis“ Г. Сенкевича и „Отверженный“ Мережковского. Дня 4 тому назад я запоем прочитал „Quo vadis“. Что это за чудеснейшая вещь?» (30.04.1897). Но вскоре о. Константин останавливается исключительно на русской классике. По мнению А. И. Рейтблата, во второй половине XIX в. формируется особая читательская группа — провинциальная интеллигенция: «Для них книга была чрезвычайно значимым средством преодоления культурного одиночества и возможностью ощутить свою общность с другими представителями интеллигенции» [*Рейтблат, 30*]. Вероятно, в эту группу попадает и Аггеев, активно общающийся в Мариамполе с преподавателями гимназии, местными чиновниками. Культурное одиночество усиливается иноязычной средой, в которой молодой священник оказывается впервые.

Составим список русских писателей, попавших в поле особого читательского и педагогического интереса о. Константина Аггеева.

Пушкин А. С. (1799–1837)

Имя Пушкина упоминается в письмах Аггеева только однажды. В письме от 27 ноября 1897 г., разворачивая заочную полемику с ревизором Нечаевым, обвинившим Кудрявцева в вольнодумстве и либерализме за знакомство учениц духовного училища с художественной литературой, о. Константин приводит пример из своей педагогической практики:

Со мной были такие случаи. Говоришь о совести. Скучает ученик. Исполнишь в качестве комментария монолог Бориса Годунова:

...ничто нас не может успокоить;

Ничто, ничто... едина разве совесть...

И лица учеников как-то оживляются, точно сказал им особенное что (27.11.1897).

Аггеев по памяти и не вполне точно цитирует монолог из исторической драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). Судя по письму он не читал, а именно «исполнял» его на уроках, т. е. знал наизусть. В Пушкине о. Константин привлекает способность

к созданию ярких, эмоционально сильных и жизненно убедительных художественных образов, но для собственного удовольствия и разрешения своих внутренних вопросов он его, видимо, не читает.

Лермонтов М. Ю. (1814–1841)

Лермонтов, которого любили и читали в семье Марии Чернявской, супруги о. Константина, оказывается в семье Аггеевых «детским» поэтом. Няня читает стихи Лермонтова старшей дочери Аггеевых Елене (Люсе): «Прочтет Люсе стихотворение. Прихожу с урока. Люся уже читает наизусть что-либо» (26–28.10.1898). Мать поет дочери романс на стихи Лермонтова «По небу полночи Ангел летел...»: «Люсе эта песня более всех понравилась. Поет с утра до вечера. Очень впечатлительная она» (27.11.1897). С гимназистами о Лермонтове Аггеев не разговаривает, в чем, возможно, сказывается как его личная «глухота» к миру поэзии, так и чуждость романтической эстетики провинциальной молодежи 80–90-х годов XIX в.

Гоголь Н. В. (1809–1852)

Имя Гоголя в письмах о. Константина из Мариамполя не встречается, однако Гоголя упоминает П. П. Кудрявцев в связи с дискуссией друзей о девстве и супружестве. Кудрявцев пишет о Софье Михайловне Соллогуб (урожденной Виельгорской), о которой он узнал из биографий Лермонтова и Гоголя, как примере «святого и чистого супружества» (21.10.1898). Интерес Аггеева к Гоголю, по-видимому, проявился в связи с 50-летним юбилеем со дня кончины писателя, который о. Константин отмечал уже в Киеве в должности законоучителя Киевского института благородных девиц имени Императора Николая I и 3-й мужской гимназии. Юбилейные торжества, ситуация крупного города с богатой культурно-общественной жизнью поставили о. Константина перед необходимостью оформить и публично обнародовать свои мысли. Он выступал с речами в торжественном собрании киевского Владимирского братства ревнителей православной веры и в киевской 3-й гимназии и издал свои выступления отдельными брошюрами. В Гоголе Аггеев увидел «мистика в самом высоком смысле слова» [Аггеев 1902б, 20], «светского ревнителя православной веры и миссионера ее среди современного ему интеллигентного общества» [Аггеев 1902а, 1]. Он резко восстал против укоренившегося

мнения о том, что Гоголь пережил духовный кризис, который привел его к умалению таланта и «прогрессирующему сумасшествию» [Аггеев 1902б, 8]. Содержание брошюры дает представление о том, что Аггеев был хорошо знаком не только с произведениями Гоголя, но и с незадолго перед этим изданными письмами писателя. В петербургский период своей деятельности Аггеев неоднократно возвращался к своему реферату о Гоголе, представляя его в виде лекции в различных кружках и собраниях (22.12.1903; 1.02.1904), намереваясь опубликовать в сборнике своих статей «Христианство и его отношение к земной жизни» (7.12.1905). Можно предположить, что личность и творческая судьба Гоголя стали для Аггеева, как позднее для В.В. Зеньковского [Зеньковский], ключом к теме «оцерковления» культуры. И тот и другой утверждали, вопреки ставшим стереотипными представлениям русской критики XIX в., что талант Гоголя не померк, а особым образом раскрылся благодаря христианству, открыв тем самым путь к диалогу и новому синтезу светской и церковной культуры.

Достоевский Ф. М. (1821–1881)

Достоевский остается любимым писателем Аггеева в разные периоды его жизни. По свидетельству Кудрявцева, в семинарии Константин, не читавший литературы за пределами программы словесности, делает исключение только для Достоевского: читает и перечитывает романы «Бедные люди», «Преступление и наказание» [О друге. Л. 18]. В годы служения в Мариамполе Аггеев читает Достоевского «запоем», «один день сидел 13 часов» — «увлекся, и не жалею» (24.11.1897). В письмах упоминаются романы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Студентки выпускного класса Александровского института в Петербурге, которым о. Константин преподавал Закон Божий, дарят ему бюст Достоевского, «любимого писателя батюшки» (24. 02.1906).

Уже самые ранние свидетельства говорят о том, что чтение Достоевского становится для Аггеева способом выстраивания собственной идентичности. По мнению Кудрявцева, Достоевский привлек подростка Аггеева, травмированного опытом бедности, разрушения благополучия семьи, тем, что «он ярко изображал то унижение, которое приходится терпеть людям из-за бедности, из-за нищеты» [О друге. Л. 18]. Одна из наиболее фундаментальных стратегий чтения художественной литературы связана с тем, что человек «понимает себя, понимая тексты, то есть применяет читаемые

тексты к обстоятельствам своей жизни и в них находит модели для понимания своей самости» [Герасимова, 30]. Достоевский действительно становится для Аггеева писателем, сквозь призму которого он видит и понимает себя и мир. Так, своего друга Петра Кудрявцева он сравнивает с Иваном Карамазовым: «...борьба теоретической стороны его природы и практической — точнее: рассудочной — внешней и внутренней стороны... тебя должна особенно интересовать» (24.11.1897). Молодых карьеристов, с которыми Аггееву приходится общаться в Царстве Польском, он характеризует при помощи словечка из романа «Братья Карамазовы»: «И все народ благонамеренный! Бернары! Как говорил про Ракитина Митя Карамазов» (27.11.1897). О своем отношении к Достоевскому о. Константин пишет как о чем-то парадоксальном, но совершенно для него исключительном: «Коробит он меня (это тебя не удивляет?) нередко своею необработанностью в художественном отношении, а все же близок и дорог мне» (24.11.1897).

Об использовании творчества Достоевского в педагогической практике упоминается в письмах 1906 г. Аггеев с большим успехом читает богословие на высших историко-литературных курсах Н. П. Раева и собирается предложить два новых курса «Ф. М. Достоевский», «Вл. Соловьев» (24.10.1906). Поскольку на курсах читались всеобщая литература (Н. А. Котляревский) и русская литература (В. В. Сиповский), можно предположить, что в замысле Аггеева Достоевский должен был быть представлен как родоначальник религиозно-философской мысли.

Тургенев И. С. (1818–1883)

В ранних письмах Аггеева часто упоминается творчество И. С. Тургенева (романы «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети»), тогда как в петербургский период этот писатель, по видимому, перестает его интересовать. Возможно, особое внимание было вызвано тем, что именно романы Тургенева стали поводом для нареканий в адрес Кудрявцева, предлагавшего их для чтения ученицам духовного училища.

Аргументируя, как минимум, безвредность, но в ряде случаев даже полезность образов Тургенева в деле воспитания юношества, о. Константин опирался на свой читательский опыт, обусловленный, прежде всего, религиозным мировоззрением. Он сообщал Кудрявцеву: «Базаров мне противен и... мелок. Настолько, что образ смерти его представляется неестественно. Это

ощущение дня после моего чтения» (26–28.10.1898). Собственная интерпретация образа Базарова кажется ему единственно возможной, что говорит о слабом знакомстве с критической полемикой, развернувшейся вокруг романа «Отцы и дети»:

Я бы дал прочитать ученику «Отцы и дети» — спросил бы, ну, каков Базаров. Всякий непредубежденный юноша ответил бы: всю жизнь шел против законов своей природы и пал в конце концов, побежденный ими. Тоже своего рода: Мне отмщение и Аз воздам. Что тут развращающего неопытные сердца? (27.11.1897).

Не менее Базарова тревожит воображение Аггеева образ Лизы Калитиной, героини романа «Дворянское гнездо». Ее внешне вполне религиозный выбор — уход в монастырь после расставания с Лаврецким — кажется о. Константину тоже крайне неестественным: «Но зачем же надрывом убивать (бесплодная попытка!) в себе чувство, Богом данное? — Для Бога?»; «Мне, помню, казалось, что в ее монашестве был все-таки „надрыв“. Припомни посещение Лаврецким монастыря». Через образ и выбор Лизы Аггеев, вероятно, еще раз проживает собственный жизненный выбор, разделивший его и Кудрявцева с семинарским другом Василием Георгиевским, принявшим монашество. Оправданием монашеского пути для о. Константина может быть только харизма учительства, которой нелепо ожидать от тургеневской героини: «Да. Но тогда будь Василием Великим или Иоанном Златоустом, у которых подвиг иночества уже как-то по впечатлению бодрому, светлому и на всех нас, не подвиг, а радостная жертва Богу...» (не ранее 11.09.1898). В то же время история Лизы воспринимается как доказательство возможности чистоты супружества, т. е. того пути, который был выбран им и Кудрявцевым:

Лиза «Дворян<ского> гн<езда>», вероятно, чистая девственница. Это так. А в супружестве разве она не была бы чистою. Что желательнее? Не сложись известным образом обстоятельства, Лиза была бы чистою женою, матерью и в сем также нашла бы удовлетворение своей высокой души (26–28.10.1898).

Аггеев дважды повторяет, что Лиза — «жертва независимых от нее обстоятельств» и отмечает, что ее история — «тяжелая», но в конечном итоге примиряющая «вещь», тем самым интуитивно фиксируя трагическую природу конфликта «Дворянского гнезда», о которой позднее писали исследователи [Маркович].

Если Достоевского Аггеев читает для себя, то Тургенев требует диалога, совместного проживания мировоззренчески чужого, но эстетически притягательного опыта: «Об „Отцах и детях“ мне бы хотелось с тобой особо побеседовать» (26–28.10.1898).

Мельников-Печерский П. И. (1818–1883)

Сильное, хотя и недолгое увлечение переживает о. Константин Аггеев романами П. И. Мельникова-Печерского. Он запоем читает первую часть дилогии «В лесах», но считает, что «„На горах“ Печерского несравненно слабая <книга>». Увлечение Печерским он сам связывает с необходимостью пережить свою национальную идентичность в среде литовцев и поляков:

Начал читать «В лесах» Печерского. Я, как тебе известно, космополит: везде земля Божия. <...> ...А при картинах чисто русской жизни зануло сердце. Хочется побывать в России. Жалко становится детей, которым, вероятно, не видать ее... (11.09.1898).

Отношение Аггеева к творчеству Печерского знаменует общую смену читательских установок, происходившую в конце XIX в. Если после реформ 1860-х гг. «от литературы большинство читателей ждало главным образом не „художественности“, а публицистичности, критики существующих порядков и изображения образцов для подражания» [*Рейтблат*, 20], то о. Константин делает акцент именно на художественности, подчеркивая, что эстетические критерии являются для него новыми, но весьма существенными (даже любимый Достоевский «коробит... нередко своею необработанностью в художественном отношении») (24.11.1897))

К литературным произведениям я теперь стал взыскателен. Фальшивые режут меня. Даже у Тургенева некоторые нарушения: единства действия (а у него есть. Припомни — встреча Инсаровым в итоге русского брехуна...). У Печерского замечательное единство действия. Этою сторуною он близится к «Войне и миру» (26.10.1898).

При общем восхищении первым томом «В лесах», о. Константин видит в Печерском «один недостаток»: «...большой он эротик. Тоже певец любви, но любви не той, что Тургенев — слишком она у него неприкровенна!» (26–28.10.1898). Эротизм, активно входивший в литературу в эпоху Серебряного века, воспринимается

Аггеевым, выходящем из крестьянской среды, как нечто чуждое, недопустимое в печатном тексте. Аналогичные отзывы о литературных произведениях с элементами эротизма зафиксировали, например, исследователи читательской реакции крестьян 1920-х гг.⁴

Толстой Л. Н. (1828–1910)

В письмах из Мариамполя Аггеев дважды приводит эпиграф к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина» «Мне отмщение и Аз воздам», причем принцип, который, по мнению о. Константина, этот эпиграф выражает, он распространяет и на романы Достоевского, и на судьбу Базарова (27.11.1897). Русская литература прочитывается как дидактический метасюжет — история борьбы утративших веру людей со своей божественной природой, в конечном итоге обнаруживающей свою непобедимость и правоту: «Не иди против законов своей природы: нарушение их не останется безнаказанным» (24.11.1897). Художественные достоинства романов Толстого Аггеев воспринимает как своего рода эталон («У Печерского замечательное единство действия. Эту сторону он близится к „Войне и миру“» (26.10.1898)).

Интуитивно о. Константин чувствует, что произведения Толстого ставят читателей перед сложными этическими и духовными вопросами, которые не могут быть разрешены простым применением заповедей Декалога. Неслучайно дважды вспоминает он эпиграф к «Анне Карениной», выводящий «преступление» Анны из сферы человеческой этики в область Высшего суда. Для о. Константина очевидно, что молодые люди уже в старших классах гимназии должны иметь опыт размышления над сложными вопросами бытия, поиска христианских ответов на «вызовы современности», иначе их вера при столкновении с жизнью, с популярными философскими идеями может оказаться в глубоком кризисе: «Выходит, питомец заведения, которому не давали в руки „Анны Карениной“, через день должен читать Боклей⁵. Малая подготовка!» (27.11.1897).

Более определенно выразить свое отношение к Толстому Аггеева заставило решение Святейшего синода об «отлучении» писателя

4. См. примеры в работе Герасимовой: «Не понравилось. Описывается блуд. М. 18 лет; Стыдно такие книги читать, печатать и в библиотеку покупать. М. 18 лет; Хорошая книжка, но не нравится, что есть похабные места. Ж. 29 лет» [Герасимова, 56].

5. Г. Т. Бокль — английский историк-позитивист. Об изучении его трудов в Санкт-Петербургском университете Аггеев узнал из писем одного из выпускников мариампольской гимназии.

от Церкви. В 1901 г. Константин Маркович служил в Киеве и посчитал возможным издать свое мнение в виде отдельной брошюры [Аггеев 1901]. Высказывание Аггеева адресовано «сынам интеллигенции», которые встретили решение Синода крайне агрессивно. Отец Константин считает, что в документе, выпущенном Синодом, зазвучал «живой голос живого средоточия православно-русской Церкви» [Аггеев 1901, 9] и ждет от интеллигенции способности «услышать и другие голоса, а для себя — права быть прочитанным» [Аггеев 1901, 11]. Брошюра позволяет составить представление о том, что Аггеев был очень хорошо знаком с творчеством Толстого и даже сделал самостоятельные наблюдения над корпусом произведений писателя, подтвердив свою мысль множеством примеров с указанием тома и страниц:

По моему убеждению, неправильно отличать мировоззрение графа периода художественной его деятельности и периода его философствования — к чему я пришел путем систематического изучения сочинений графа... Его XIII том и все заграничные издания в существенных своих взглядах коренятся в ранних произведениях его... [Аггеев 1901, 29].

Не отрекаясь от минут высокого эстетического наслаждения, пережитых при чтении романов Толстого, Аггеев формулирует точку мировоззренческого расхождения с великим писателем: «Граф Толстой убежденный пантеист еще в своих художественных произведениях» [Аггеев 1901, 29].

В декабре 1903 г. о. Константину, переехавшему в Петербург и сблизившемуся со многими представителями интеллигенции, пришлось еще раз вспомнить свою брошюру. Судя по контексту письма, С. Н. Булгаков и П. П. Кудрявцев упрекали Аггеева за осуждение Толстого, но о. Константин остался верен своей позиции: «от содержания брошюры я теперь не отказываюсь», хоть «теперь в видах политических не напечатал бы» (14.12.1903). Позднее о. Константин добавил главу о Толстом в план своей книги, читал о нем лекции на высших женских курсах, но не упоминал в ходе преподавания Закона Божьего.

Из писем Аггеева другим адресатам известно, что в ноябре 1910 г. ему предложили совершить общественную молитву об упокоении Толстого на заседании Религиозно-философского общества. Аггеев ответил отказом, но не по идейным соображениям («По моему убеждению, Церкви как Церкви, не только можно, но и должно молиться — не говорю о Толстом — хотя бы и о полном

атеисте» [*Взыскующие града, 294*]), а из неготовности идти на открытый конфликт с церковной властью, который привел бы к снятию с него сана.

Можно сказать, что творчество и личный религиозный путь Толстого стали границей, соединяющей и в то же время отделяющей и различающей церковную позицию Аггеева от взглядов интеллигенции и представителей «нового религиозного сознания».

Из числа современных ему русских писателей К. М. Аггеев упоминает А. П. Чехова, В. Г. Короленко, М. Горького, Д. С. Мережковского, но интерес к ним проявляется только в 1900-е гг., после переезда о. Константина в Петербург и погружения в атмосферу современных литературных и общественных споров. В творчестве этих писателей он ищет знаки времени, отражение процессов, происходящих в религиозном и общественном сознании, но никогда рассказы Горького или Чехова не рассматриваются Аггеевым как «жизненные наставники, помогающие в духовном и нравственном совершенствовании» [*Рейтблат, 20*]. Становление мировоззрения молодого человека, выпавшего из своей сословной среды, вынужденного самостоятельно искать место в меняющемся социуме, происходит благодаря русской классике, в первую очередь таким писателям, как Достоевский, Тургенев, Толстой.

Литературная критика и периодическая печать

Кроме вопроса о личных литературных пристрастиях о. Константина, правомерно поставить вопрос о том, какое понимание литературы было сформировано у него за годы учебы в семинарии и академии. Так, в письмах 1897 г. упоминается учебник по русской литературе П. В. Евстафиева, по которому, возможно, учился он сам. Учебник предназначался для мужских и женских институтов, гимназий, духовных и учительских семинарий. Первая часть была посвящена древнерусской литературе; вторая — «новой русской литературе (от Петра Великого до настоящего времени)» [*Евстафиев*]. Из писателей середины XIX в. к изучению предлагалось только творчество Гончарова, Тургенева и Островского. В свою очередь из многообразного наследия Тургенева были выбраны для анализа «Записки охотника» и «Дворянское гнездо». Очевидно, что учебник Евстафиева не повлиял на оценки Аггеевым конкретных литературных текстов,

но способствовал формированию взгляда на литературу как на целостный, общемировой, эволюционно развивающийся процесс, который может быть описан через смену художественных направлений. Критикуя систему гимназического образования, с которой он столкнулся в Мариамполе, Аггеев делает акцент на нехватке именно такого широкого системного подхода к литературе:

Переходят <ученики> в старшие <классы>, — учебник Евстафьева о ложно-классицизме и сентиментализме не в силах усвоить, а тем более по разным литературам составить себе ясное понятие о том и другом (24.09.1897).

Учебник Евстафьева не упоминает никаких русских литературных критиков, между тем как в письмах Аггеева мелькают имена Д. И. Писарева (1840–1868), Н. А. Добролюбова (1836–1861), Ю. Н. Говорухи-Отрока (1851–1896), Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1853–1920). Знакомство с «реальной» критикой⁶, материалистической и даже атеистической в своих мировоззренческих истоках, было обусловлено общими тенденциями второй половины XIX в.: читающая молодежь (учащиеся университетов, гимназий и семинарий) читала «главным образом радикальные журналы („Современник“ и „Русское слово“, позднее „Отечественные записки“ и „Дело“), причем наибольший интерес вызывали статьи Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева» [*Рейтблат*, 27–28]. Характерно, однако, весьма критическое отношение Аггеева к наследию Писарева: «Помнится у Писарева во всех его статьях о Тургеневе одна только здравая мысль. (Удивительно он не понял его). „Базаров только при смерти является человеком, а во всю жизнь носил натянутую тогу“»⁷ (27.11.1897). Однако статьи менее радикальных «шестидесятников» — Добролюбова и Ушинского — продолжают вызывать у о. Константина доверие и читательский энтузиазм:

...Вчера хотел перечитать, но начал читать его же «О труде...», а затем захотелось прочесть Добролюбова «Обломовщину». Люблю я эти статьи. О труде думаю как-нибудь прочесть с учениками VII и VIII к<лассо>в: у меня один урок совместный (28.10.1898).

6. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин; журналы «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» (с 1868 г.).

7. Ср.: «Базаров не изменяет себе; приближение смерти не перерождает его; напротив, он становится естественнее, человечнее, непринужденнее, чем он был в полном здравье» [*Писарев*, 51].

Отношение Добролюбова к литературе как к верному слепку общественной жизни, «знамени времени» унаследует и сам Аггеев, когда будет анализировать произведения современных ему писателей. Более того, он сохранит даже некоторые социальные клише, ставшие крылатыми после статей Добролюбова. Так, слова «самодур» и «самодурство» из статьи «Луч света в темном царстве» о. Константин активно использует для характеристики гр. Н. А. Протасова-Бахметьева, попечителя Ведомства учреждений императрицы Марии Феодоровны, с которым ведет борьбу за программу преподавания Закона Божьего в Александровском институте: «Самою характерной чертой графа служит самодурство. Ему в жизни никто не противоречил. Вот откуда источник нападений на меня» (10.12.1903). Присущая «реальной» критике социальная типизация как способ объяснения явлений жизни и характеров людей особенно обостряется в письмах К. М. Аггеева 1905 г., когда общественные противоречия разделяют о. Константина с гр. М. А. Коновницинной, под руководством и покровительством которой он служит в Александровском институте: «С аристократа никакие воды не смоют яда самодержавия» (29.10.1905).

Знаменательно появление в ряду чтимых о. Константином литературных критиков имени Говорухи-Отрока, бывшего революционера-народника, осужденного по делу «193-х», проведенного 3 года в заключении, перешедшего на позиции православного консерватизма и публиковавшего свои статьи на страницах харьковской газеты «Южный край», а с 1890 г. — «Московских ведомостей»: «Память Говорухи-Отрока я чту: я тоже много ему обязан. О Короленко и Тургеневе его <у> меня есть» (26.11.1898). Приведенная цитата позволяет предположить, что именно благодаря статьям Говорухи-Отрока происходило освобождение Аггеева и его друга из-под интеллектуальной власти революционеров-демократов, столь популярных в семинарской среде. У любимого критика, по всей видимости, учился о. Константин особому взгляду на литературу сквозь призму христианства, церкви, православия. Как отмечают современные исследователи наследия Говорухи-Отрока, критик смог не только дать внятную и однозначную оценку «шестидесятым», как «времени культурного одичания, бесплодного для литературы» [Иванова, 71], но и сформулировать иной взгляд на литературу, обусловленный христианскими ценностями. Для него «существовали писатели-пророки», которые «сумели стать выше современного им общества и его понятий, выше своего времени, национальных и патриотических представлений». Такой писатель судит «не во имя

временного, как бы важно ни было это временное — он судит во имя вневременного, высшего, безусловного, вечного идеала, в его руках „весы совести и духа“» [*Говоруха-Отрок*, 389].

Судя по письмам, на представления Аггеева о литературе оказало влияние и следующее поколение критиков, среди которых он упоминает Д. Н. Овсяннико-Куликовского и Д. С. Мережковского. Знакомство о. Константина с творчеством первого происходит в конце 1890-х гг., вероятно, благодаря рекомендации Кудрявцева: «Овсяннико-Куликовского — у меня только часть о „Дворянском гнезде“. Я ведь лишь год выписывал „Северный Вестник“. Поэтому пришли» (26.10.1898). Чтение статей Овсяннико-Куликовского приучает Аггеева как читателя и человека к психологическому анализу явлений, с которыми он сталкивается в литературе и жизни. Так, в романе Г. Сенкевича “*Quo vadis*” он отмечает удачную «психологическую работу в типе Виниция» (30.04.1897), а, говоря о себе, может различать себя как целостную личность и свою психику: «С моей точки зрения — вернее со стороны моей психики, — слишком только много историко-археологического материала...» (22.12.1903). Критика Мережковского попадает в поле внимания Аггеева в петербургский период его жизни. Так, в июле 1904 г. он сообщает другу:

В бытность свою на минувшей неделе в Староселье я прочитал «Толстого и Достоевского» — Мережковского 1-й том⁸. С нетерпением буду ожидать 2-й т<ом>, который ты захватишь (я забыл у тебя). Своей основной идеей трилогия Мережковского возбуждает много мыслей, относящихся к моей работе (9.07.1904).

Символистская критика Мережковского схематизировала и мифологизировала творчество русских классиков, сводя сложность их творческих методов к оппозиции: тайнозритель плоти — тайнозритель духа, рассматривая их сквозь призму идей религиозно-философских собраний. Аггеев, увлеченно включившийся в поиск христианской «правды о земле», принимает подход Мережковского, для которого литература — это площадка не эстетических, а духовных, мировоззренческих схваток, и сам позднее использует фигуру

8. Имеется в виду литературно-критическое эссе Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», публиковавшееся в 1900–1901 гг. в журнале С. П. Дягилева «Мир искусства» и в 1901 г. выпущенное отдельным изданием в 2-х томах.

К. Н. Леонтьева, чтобы обосновать свой взгляд на христианство, противоположный аскетизму и пессимизму [Аггеев 1909].

Косвенную оценку литературным вкусам и общественным взглядам Аггеева дают выписываемые им газеты и журналы. В зависимости от характера читаемой периодической печати, Рейтблат выделяет следующие типы литератур, сложившиеся в России во второй половине XIX в.: «...толстого журнала, тонкого журнала, газетная, лубочная, „для народа“ и детская» [Рейтблат, 25]. Если в своей профессиональной области Аггеев, безусловно, входит в группу читателей толстых журналов (он читает «Православное обозрение», «Церковный вестник», «Веру и разум», «Христианское чтение» и др.), то в области светской журналистики тяготеет к тонким иллюстрированным журналам и газетам. В 1897–1898 гг. он выписывает в свою библиотеку «„Новь“ с ее приложениями, „Неделю“» (3.09.1897); имеет в своем распоряжении «книжки журнала „Мир Божий“» (26.11.1899); читает «Новое время» и «Русь», планирует подписаться на «Ниву». «Новь» — иллюстрированный двухнедельный вестник литературы, науки, искусств и прикладных знаний; «Мир Божий» — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал; «Нива» — популярный еженедельный журнал для семейного чтения. Исключение в этом ряду облегченного, прикладного или семейного, чтения составляет журнал «Северный вестник», который Аггеев выписывает в течение одного 1895 г. В 1890-е гг. «Северный вестник» становится «декадентским органом», в котором публикуются Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, Н. М. Минский: «Проповедь идеализма и метафизической нравственности журнал пытается сочетать с резкой оппозиционностью правительству и официальной церкви...» [Куприяновский, 41]. Именно благодаря этому журналу о. Константин знакомится с произведениями новой литературной эпохи (Г. Сенкевич “Quo vadis” и Д. С. Мережковский «Отверженный») и современной критической мысли (статьи Овсяннико-Куликовского).

Из выписываемых Аггеевым газет наибольшую известность в конце 1890-х гг. имела газета «Неделя», редактором-издателем которой после смерти отца становится молодой юрист Василий Павлович Гайдебуров. «Оживление общественной жизни, изменение политической ситуации в стране, усиление рабочего движения — все это отразилось на проблематике „Недели“ второй половины 1890-х годов» [Лапшина, 126]. Однако, возможно, о. Константина привлекала не столько умеренная оппозицион-

ность газеты Гайдебурова, сколько нравственная проблематика, которую на страницах издания развивал ее главный публицист М. О. Меньшиков [*Лапшина*, 127]. По крайней мере, имя Меньшикова неоднократно упоминается в письмах 1890-х гг. в однозначно положительном смысле.

Таким образом, читательские вкусы о. Константина Аггеева позволяют увидеть динамичность его позиции, способность менять ориентиры в соответствии с изменением духа времени, откликаться на современные явления культуры и общественной жизни и в то же время говорят о его устойчивом интересе к нравственной и религиозной проблематике, которая определит и его педагогические подходы.

«Главная мысль статьи»

Анализ читательских отзывов о. Константина Аггеева позволяет предположить в нем тонкого, заинтересованного, самостоятельного в своих оценках читателя, способного искать в литературе разрешения сложных мировоззренческих и нравственных вопросов. Закономерно, что свой богатый читательский опыт он захотел использовать в сфере педагогической деятельности, в первую очередь, в уроках преподавания Закона Божьего. Представим аргументы, которые в разные годы в разных дискуссиях подбирал о. Константин, чтобы убедить себя и своих оппонентов в необходимости знакомства учеников с наследием русской литературы.

Эстетические аргументы

В 1897 г., мысленно сочиняя статью в защиту Кудрявцева, о. Константин так формулирует свою основную мысль:

Главная мысль статьи (это мечты, не забывай): ничто так не близко друг к другу, как искусство — особенно словесное — и религия. Художник дурного не скажет. Поэзия — это безусловно божественный огонь на земле. Более близкого душе и убедительного для нее комментария к истинам Христовой веры, как художественные произведения, нет (27.11.1897).

Во время служения в Мариамполе Аггеев думает о возможности написания магистерского сочинения по Ветхому завету и внимательно читает труды немецких библеистов, в первую очередь, посвященные теме пророчества и пророков. Благодаря трудам

Orelli, o. Константин приходит к убеждению, что «пророк ветхозаветный... это поэт, находящийся под влиянием сверхъестественного фактора». Изучение библейской истории позволяет ему увидеть родство между даром пророческим и поэтическим: «Он (ветхозаветный пророк. — Ю.Б.) далек от толпы по своим естественным дарованиям, — и в этот сосуд вливается видение, к<ото>рое он не может не сказать» (не ранее 3.09.1897). Иначе говоря, гарантом духовной и нравственной ценности словесного творчества является его природа, имеющая не социальное, а метафизическое происхождение.

То, что в письмах Аггеева только намечено, имеет характер случайной интуиции, позднее получает философское и литературоведческое обоснование в трудах В. В. Вейдле, который писал, что «религиозная вера, религиозный обряд, религиозное осмысление жизни никаким другим языком пользоваться не могут, кроме как тем же, каким пользуется художник, тем же, на котором говорят создаваемые им произведения» [Вейдле, 194].

Апологетические аргументы

Во времени служения в Александровском институте Петербурга о. Константин вырабатывает уже целую систему преподавания Закона Божьего, цель которой он формулирует так:

Они (занятия. — Ю.Б.) должны закончиться положительным вероучением. Образ Христа — и для меня главное, что я должен ввести в сознание детей, и я стремлюсь к тому различными путями.

Однако в эпоху, когда антирелигиозные идеи подстерегали учеников на каждом шагу, а официальная идеология делала образ Христа частью государственного ритуала, встреча со Христом должна была быть особым образом приготовлена. Отец Константин читал с ученицами, по преимуществу во внеурочное время, произведения русской литературы, актуальные, пользующиеся интересом у молодого поколения (рассказы Горького, «В дурном обществе» В. Г. Короленко), затем переходил к разбору популярных философских идей в свете христианского мировоззрения и только после этого начинал читать с ученицами Евангелие:

Литература в чтении у меня первая ступень, вторая — в следующ<ую> субботу читаю Соловьева «Пасхальные письма». Третья ступень — хотелось бы

Слово Божие, но этого боюсь более всего. Как научить детей читать Слово Божие — это самый в настоящее время больной мой вопрос (3.12.1905).

Литература с одной стороны умягчала сердца, приуготовляла их к принятию источника милости, правды, красоты; с другой — давала о. Константину как пастырю и законоучителю повод говорить о тупиках, в которых оказываются люди, не знающие Христа или отрекающиеся от Него, и таким образом заниматься христианской апологетикой.

Нравственные аргументы

В книге «Христианская вера», появившейся в итоге многолетнего преподавания Закона Божьего, особенно во второй ее части «Нравоучение», Аггеев, ссылаясь на русскую литературу, приводит примеры того или иного нравственного поведения, морального поступка. Так, в разделе о свободе воли, поясняя, чем детерминист отличается от фаталиста, Аггеев обращается к образу Вулича из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» [Аггеев 1911, 10]. Иллюстрируя действие совести в человеке, он вспоминает Бориса Годунова, который жалуется, что у него «мальчишки кровавые в глазах», бред младшего разбойника из поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники», кошмар Раскольникова [Аггеев 1911, 22]. В свое учебное пособие он вставляет и фрагмент из монолога Бориса Годунова, воздействие которого на учеников подметил еще в мариампольской гимназии [Аггеев 1911, 23–24].

Задолго до выхода в свет учебного пособия Аггеева Кудрявцев делился с ним в письме наблюдениями своего друга Аркадия Дмитриевича Троицкого, который оказался преподавателем русского языка и словесности в Подольском женском училище. Троицкий в беседе с Кудрявцевым

высказывал тот взгляд, что преподавание литературы в старших классах в некотором отношении д<олж>но быть как бы курсами популярной философии, дополняющими уроки Закона Божия: там — идеалы, здесь — уяснение жизненных отношений с точки зр<ения> идеала... (26.09.1898).

Очевидно, что молодые люди ставят перед собой в своем преподавании задачу соединения веры и жизни, чувствуют недостаточность передачи системы знаний о вере, догматического вероучения и бытового благочестия, но понимают необходимость

учить молодых людей жить и поступать по своей вере. На этом пути литература дает не только примеры исполнения/неисполнения нравственных заповедей, но создает живой образ души, утратившей через преступление связь с Богом, или реже — чистой, целомудренной, сохраняющей в любых жизненных испытаниях верность Христу.

Характерно наблюдение Аггеева, что лица учеников «оживают» во время чтения отрывка из пушкинского «Бориса Годунова». По замечанию современных исследователей, читатель имеет дело «с двумя модусами чтения»: актом эстетического переживания, эмоциональным по своей природе, и интеллектуальным, познавательным актом, с которым связаны эстетические оценки и анализ [Викентьева, 3]. Отцу Константину важно, что практика чтения способна дать «подступ к вовлеченности, порождающей особый род переживания» [Викентьева, 2], позволяющий молодому человеку проживать важный духовный опыт, не переживая ситуаций реального жизненного выбора, почувствовать, что значат муки совести, не совершая преступления. Художественная литература в процессе преподавания Закона Божьего помогает, с одной стороны, достичь эмоциональной вовлеченности учеников в духовно-нравственную проблематику, с другой — дает возможность молодому людям обрести интеллектуальные основания для жизненного выбора.

Выводы

В письмах 1897–1898 гг. о. Константин продумывает не только главную мысль, основные идеи, но и детали будущей статьи:

Окончание статьи тоже уже готово в уме: «Приезжает в семинарию N один подлец и т. д.». — А Чекан небось вполне согласен и возмущен с Нечаевым. Шутки в сторону, — а я когда-нибудь засяду со свойственным мне увлечением и напишу. Может выйти порядочно: искренность будет и некий опыт личной жизни. И пошлю в «Русское обозрение». Там такие статьи иногда помещаются — с душком... (не ранее 27.11.1897).

Как часто бывало в жизни Аггеева, необходимость формулировать идеи возникала в процессе отстаивания своих интуитивных убеждений в кризисных жизненных ситуациях. В данном случае, горячо вступившись за друга, он, безусловно, обосновывал и свой читательский опыт, позволивший ему благодаря произведениям

русских классиков осознать себя, свое место в меняющемся мире, выработать стратегию жизненного поведения.

Задуманная статья не была написана прежде всего потому, что в 1890-е годы о. Константин только проходит эпоху интеллектуального становления, вырабатывает собственную систему взглядов и убеждений и не чувствует себя готовым к их публичному обнародованию. Другой причиной отказа от написания статьи является, возможно, скромный педагогический опыт: в мариампольской гимназии мало православных учеников и Аггеев преподает Закон Божий всего трем-четырем молодым людям.

Однако отказавшись от написания статьи, Аггеев не отказался от самого вопроса о роли художественной литературы в преподавании духовно-нравственных дисциплин и в научении молодых людей основам веры (в деле катехизации) и решал его на практике, пока длилась его преподавательская деятельность — сначала в институте благородных девиц имени Императора Николая I в Киеве, затем в Александровском институте и в Ларинской гимназии в Петербурге.

В 1890-е гг. Россия стремительно вступала в эпоху модерна, что проявлялось как в смене культурных парадигм, так и в изменении религиозных практик, церковного уклада, традиций чтения. Символистские течения в культуре знаменовали отталкивание от позитивизма и обострение нового мистического чувства, но удовлетворения своих сверхрациональных запросов интеллигенция и думающая молодежь не торопилась искать в церкви. Распространение идей Шопенгауэра, Ницше, Маркса требовало от верующих людей интеллектуальной рефлексии над вопросами своей веры, необходимости находить ответы на вызовы разнообразных «измов». Аггеев одним из первых в среде русского православного духовенства поднял вопрос о радикальном изменении путей передачи веры молодому поколению и один из ключей к обновлению метода преподавания Закона Божьего увидел в русской литературе. Осознавая глубинную, изначальную связь «культы» и «культуры», базирующуюся на способности к восприятию трансцендентного опыта, о. Константин увидел в литературе мощное средство апологетики, пробуждения совести, эмоциональной вовлеченности и расширения духовного опыта молодого читателя; русскую литературу он осмыслил как важнейший фактор религиозного воспитания.

С другой стороны, в XX в. по-новому проживался и осмыслялся сам процесс чтения. Так, например, в романах М. Пруста «чтение

не наделяет читателя новым опытом, но дает ему возможность активизировать свою собственную память, сделать действенным то, что оставалось пассивным в течение длительного времени» [Окунева, 72]. Повышение экзистенциальной значимости чтения открывало путь к обновлению религиозного опыта не через литургическую традицию или христианское вероучение, а через обращение к собственной душе, к архетипической и антитипической памяти, что оказалось особо востребовано в процессе формирования современной личности.

Интуитивно понимая сложность происходящих в обществе и в человеке процессов, о. Константин Аггеев в своих письменных высказываниях остался в рамках «реалистической» парадигмы 1860-х гг. и видел в литературных произведениях в первую очередь художественное раскрытие философских или общественных идей, подчас не отдавая себе отчета в их эстетической и даже теургической самоценности. Быть может, поэтому к художественным текстам классиков и современников он чаще обращался за отрицательными примерами и не описывал тот особый путь утверждения духа и смысла, который литература XIX — начала XX в. вырабатывала и отстаивала.

Источники

1. Аггеев 1901 = Аггеев Константин, свящ. По поводу толков в современном образованном обществе, возбужденных посланием Св. Синода о графе Л. Толстом. Киев : Издание А. К. Т., 1901. 56 с.
2. Аггеев 1902a = Аггеев Константин, свящ. Ревнитель Православной веры. К пятидесятилетию со дня смерти Н. В. Гоголя. Киев : Тип. Императорского ун-та, 1902.
3. Аггеев 1902б = Аггеев К. М. Чествование памяти Н. В. Гоголя в Киевской 3-й гимназии: Речь законоучителя свящ. К. М. Агеева. Киев : Лит-тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902. 22 с.
4. Аггеев 1909 = Аггеев К. М. Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни : Опыт крит. изуч. и богосл. оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев : Тип. «Петр Барский», 1909. 333 с.
5. Аггеев 1911 = Аггеев Константин, свящ. Христианская вера : Ч. 1–2. Ч. 2 : Нравоучение : Приспособлено для изучения закона Божия в VIII кл. муж. гимназий и старших классах других учеб. заведений. Санкт-Петербург : А. Э. Винке, 1911. 138, II с.

6. *Взыскующие града* = Взыскующие града : Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. Москва : Языки русской культуры, 1997. 752 с.
7. *Евлогий (Георгиевский)* = Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни : Воспоминания. Москва : Московский рабочий : ВПМД, 1994. 621 с.
8. *Евстафиев* = Евстафиев П. В. Новая русская литература (от Петра до настоящего времени) : Учеб. для муж. и жен. ин-тов, гимназий и учит. семинарий. 11-е изд. Санкт-Петербург : Д. Д. Полубояринов, 1896. 248, VII с.
9. *Кисиль* = Кисиль Е. К. Вступительный текст к публикации писем о Константина Аггеева // Личный архив Ю. В. Балакшиной. Машинопись.
10. *О друге* = О друге. Воспоминания П. П. Кудрявцева об Аггееве К. М. // Личный архив Ю. В. Балакшиной. Машинопись. 43 л.

Литература / References

1. *Балакшина* = Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903–1907: Документальная история и культурный контекст. 2-е изд., испр. Москва : СФИ, 2015. 424 с.
Balakshina Yu. V. (2014). Brotherhood of zealots of church renewal (group of “32” St. Petersburg priests), 1903–1907: Documentary history and cultural context. Moscow : St. Philaret’s Institute Publ. (in Russian).
2. *Вейдле* = Вейдле В. В. Искусство как язык религии // Он же. Умирание искусства. Москва : Республика, 2001. С. 191–196.
Veidle V. V. (2001). “Art as the language of religion”, in Idem. *The dying of art*. Moscow : Republic Publ. (in Russian).
3. *Викентьева* = Викентьева С. А. Практика чтения как опыт вовлеченности // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2 (48). С. 1–4. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.2.5>.
Vikentyeva S. A. (2018). “Reading practice as the experience of involvement”. *Society: philosophy, history, culture*, n. 2(48), pp. 1–4 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/fik.2018.2.5>.
4. *Герасимова* = Герасимова А. Проблема реального реципиента художественного текста: анализ современных читательских практик. Тарту : Tartu Press, 2020. 199 с.
Gerasimova A. (2020). The problem of the real recipient of a literary text: analysis of modern reading practices. Tartu : Tartu Press (in Russian).
5. *Говоруха-Отрок* = Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика / Под. ред. А. П. Дмитриева и Е. В. Ивановой. Санкт-Петербург : Росток, 2012. 894 с.

- Govorukha-Youth Yu. N. (2012). What did Russian writers believe in? Literary criticism and religious and philosophical journalism. St. Petersburg : Rostock Publ. (in Russian).
6. *Зеньковский* = Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. Париж : YMCA-Press, [1961]. 262 с.
Zenkovsky V. V. (1961). N. V. Gogol. Paris : YMCA-Press (in Russian).
7. *Иванова* = Иванова Е. В. Ю. Н. Говоруха-Отрок: судьба и идеи // Ю. Н. Говоруха-Отрок. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика / Под. ред. А. П. Дмитриева и Е. В. Ивановой. Санкт-Петербург : Росток, 2012. С. 5–73.
Ivanova E. V. (2012). “Yu. N. Govorukha-Youth: fate and ideas”, in Yu. N. Govorukha-Youth. *What did Russian writers believe in? Literary criticism and religious and philosophical journalism*. St. Petersburg : Rostock Publ., pp. 5–73 (in Russian).
8. *Куприяновский* = Куприяновский П. В. «Оглядываюсь на прошлое...»: журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж : Союз журналистов, 2009. 200 с.
Kupriyanovsky P. V. (2009). “Looking back at the past...”: the magazine “Northern Herald” of the 1890s and its literary position. Voronezh : Union of Journalists Publ. (in Russian).
9. *Лапшина* = Лапшина Г. С. Газета «Неделя» (1866–1901) // Она же. История русской журналистики : Вторая половина XIX в. Москва : Аспект Пресс, 2019. С. 108–128.
Lapshina G. S. (2019). “Newspaper ‘Week’ (1866–1901)”, in Idem. *History of Russian journalism: Second half of the 19th century*. Moscow : Aspect Press, pp. 108–128 (in Russian).
10. *Маркович* = Маркович В. М. Между эпосом и трагедией (О художественной структуре романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо») // Он же. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX в. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. С. 49–76.
Markovich V. M. (1984). “Between epic and tragedy (On the artistic structure of I. S. Turgenev’s novel ‘The Noble Nest’)”, in Idem. *I. S. Turgenev and the Russian realistic novel of the 19th century*. Leningrad : Leningrad University Publ., pp. 49–76 (in Russian).
11. *Окунева* = Окунева И. Археология чувственности. Феномен «чтения» у Пруста и Бенямина // Опыт и чувственное в культуре современности = Experience and sensibility in contemporary culture : Философско-антропологические аспекты. Москва : ИФ РАН, 2004. С. 70–93.
Okuneva I. (2004). “Archeology of sensuality. The phenomenon of ‘reading’ in Proust and Benjamin”, in *Experience and sensibility in contemporary culture = Experience and sensibility in contemporary culture: Philosophical*

- and anthropological aspects*. Moscow : Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Press, pp. 70–93 (in Russian).
12. *Пастушенко* = Пастушенко Л. А. Кудрявцев Петр Павлович // Православная энциклопедия. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. Т. 39 : Крисп — Лангадасская, Литийская и Рентинская митрополия. С. 248–251.
Pastushenko L. A. (2015). “Kudryavtsev Petr Pavlovich”, in *Orthodox Encyclopedia*, v. 39 : *Crispus — Langadas, Lithian and Rentin Metropolis*. Moscow : Church and Scientific Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., pp. 248–251 (in Russian).
13. *Писарев* = Писарев Д. И. Базаров : по поводу романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Казань : Молодые силы, 1918. 56 с.
Pisarev D. I. (1918). *Bazarov: regarding the novel by I. S. Turgenev “Fathers and Sons”*. Kazan : Young forces Publ. (in Russian).
14. *Рейтблат* = Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по истории социологии русской литературы. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
Reitblat A. I. (2009). *From Bova to Balmont and other works on the history of the sociology of Russian literature*. Moscow : New Literary Review Publ. (in Russian).
15. *Ткачук, Бурега* = Ткачук М. А., Бурега В. В. Материалы к биографии профессора Киевской духовной академии П. П. Кудрявцева в Архиве Московской духовной академии: их предыстория и источниковедческий потенциал // Труды Київської Духовної Академії. 2017. № 27. С. 176–199.
Tkachuk M. A., Burega V. V. (2017). “Materials for the biography of professor of the Kyiv Theological Academy P. P. Kudryavtsev in the Archives of the Moscow Theological Academy: their background and source study potential”. *Works of the Kiev Theological Academy*, n. 27, pp. 176–199 (in Russian).

Информация об авторе

Ю. В. Балакшина, д-р филол. наук, доцент, Свято-Филаретовский институт,
РГПУ им. А. И. Герцена.

Information about the author

Yu. V. Balakshina, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, St. Philaret’s Institute,
Herzen State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 14.12.2023; одобрена после рецензирования 04.01.2024;
принята к публикации 08.01.2024.